

2. Кальвін Ж. Наставление в христианской вере / Жан Кальвин. – М. : Издательство РГУ, 1999. – Т. 3. – Кн. IV. – 640 с.
3. Колодний А. Багатокофесійність України: формування і стан / Релігія – світ – Україна. Колективна монографія в 3-х кн. – К., 2011. – Кн. II. – 371 с.
4. Ратцель Ф. Народоведение / Фридрих Ратцель / Классика геополитики, XIX век: Сб. – М. : ООО “Издательство АСТ”, 2003. – 718 с.
5. Тойнби А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. – М. : Айрис-пресс, 2001. – 640 с.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : ООО “Издательство АСТ”, 2003. – 603 с.

References

1. Kalvin Zh. Nastavlenie v khristianskoi vere / Zhan Kalvin. – M. : Izdatelstvo RGU, 1999. – T.1. – Kn. I i II. – 582 s.
2. Kalvin Zh. Nastavlenie v khristianskoi vere / Zhan Kalvin. – M. : Izdatelstvo RGU, 1999. – T.3. – Kn. IV. – 640 s.
3. Kolodnyi A. Bahatokonfesiinist Ukrainy: formuvannia i stan / Relihiia – svit – Ukraina. Kolektivna monohrafiia v 3-h kn. – K., 2011. – Kn. II. – 371 s.
4. Rattsel F. Narodovedenie / Fpidrikh Rattsel / Klassika heopolitiki, XIX vek: Sb. – M. : ООО “Izdatelstvo AST”, 2003. – 718 s.
5. Toinbi A. Dzh. Postizhenieistorii / A. Dzh. Toinbi. – M. : Airis-press, 2001. – 640 s.
6. Khantington S. Stolknovenie Tsivilizatsii / S. Khantington. – M. : ООО “Izdatelstvo AST”, 2003. – 603s.

Stasyuk L.O., candidate of philosophical science, associate Professor, doctoral, Zhytomyr State University named after Ivan Franko (Ukraine, Zhytomyr), lastasuk@ukr.net

Institutionalization of the Protestantism in the context of geopolitical identification of Ukraine

The article shows historical, socio-cultural, mental, psychological and religious impacts on church-state relations, in particular on the Protestantism formation in the domestic territory. The Protestantism analysis in contemporary theological discourse declares a new theoretical level at which description and systematization of facts transit to conceptualization of the Protestant movement as a coherent religious and social phenomenon on the basis of universal principles of objectivity, historicism, tolerance and world pluralism which became the methodological research basis. Given that the current geopolitical theory covers such key categories of geopolitics as a geographical factor and spatial-territorial parameters of the social development, the article develops problems of the society and nature interaction in the context of philosophical and religious reflection. It was found that concerning to the position of religion in modern secular society, the Protestant orthodoxy denominations base their outlook on the anthropological paradigm.

Keywords: Protestantism, Lutheranism, Calvinism, geopolitics, society and nature, geographical factor, spatial-territorial parameters.

Стасюк Л.А., кандидат философских наук, доцент, докторант, Житомирский государственный университет им. Ивана Франко (Украина, Житомир), lastasuk@ukr.net

Институализация протестантизма в контексте геополитической самодентификации Украины

Раскрываются исторические, социокультурные и конфессиональные факторы влияния на государственно-конфессиональные отношения, в частности на становление протестантизма на отечественных просторах. Аналитика протестантизма в современном религиозоведческом дискурсе декларирует новый теоретический уровень, на котором осуществляется переход от описания и систематизации фактов к концептуализации протестантского движения как целостного религиозно-социального феномена на основе универсальных принципов объективности, историзма, толерантности, мировоззренческого плюрализма, что стало методологической основой исследования. Учитывая, что современная геополитическая теория охватывает такие ключевые категории геополитики как географический фактор и пространственно-территориальные параметры развития общества, в статье разворачивается проблематика взаимодействия общества и природы в контексте философско-религиозной рефлексии. Выяснено, что в отношении места религии в современном секуляризованной обществе, конфессии-носители протестантской ортодоксии, грунтуют свое мировоззрение на антропологической парадигме.

Ключевые слова: протестантизм, лютеранство, кальвинизм, геополитика, общество и природа, географический фактор, пространственно-территориальные параметры.

* * *

УДК130.2

Котенко И. В.

соискатель кафедры философии и социологии, Южноукраинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Украина, Одесса), scipio@lenta.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО АНТИЧНОЙ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассматривается проблема диалога внутри античной аристократической культуры в контексте героических воззрений аристократии. Диалог культур определяется с точки зрения возможностей расширения их социокультурного пространства и усложнения его внутренней структуры. На основе сравнительно-исторического и семиотического анализа выявлено, что аристократическая культура, будучи замкнутой системой, имеет значительный резерв развития за счет других культур, которые ранее могли не признаваться как “упорядоченные”. Как внутри общества, так и в диалоге с другими культурами возможно слияние культур под эгидой аристократизма при условии, что они будут героическими в своей основе. Особое внимание автора уделено типологии текстов аристократической культуры, которые являются основой диалога. Это текст-шедевр, который присущ индивидуалистическому типу поведения и текст-кодекс, более подходящий коллективизму.

Ключевые слова: культура, аристократическая культура, социокультурное пространство, внекультурное пространство, диалог культур, аристократия, аристократия духа, героизм, текст культуры, текст-шедевр, текст-кодекс, рецепция.

(статья друкується мовою оригіналу)

Современное глобальное общество характеризуется тенденцией к индивидуализму и к постепенному отказу от многих форм коллективной идентичности. Всерьез обсуждать расовую, национальную, религиозную и даже половую принадлежность в последнее время стало дурным тоном. В этих условиях аристократия как одна из древнейших социальных групп становится атавизмом в обществе; в худшем случае ненужным и вредным, в лучшем – декоративным и формальным. В то же время аристократическая культура, наоборот воспринимается многими как значимая часть общемировой культуры. Это неудивительно, поскольку при всем стремлении общества к индивидуализму, культура – понятие коллективное, а аристократическая культура представляет коллектив людей, которые резко противопоставляют себя остальным членам общества на основании своих моральных императивов, базирующихся на героической сущности аристократии.

Такая резкая граница между героической аристократической культурой и другими негероическими культурами дает основание говорить о существовании особого социокультурного пространства аристократической культуры. По мнению исследователей “социокультурное пространство” имеет границы, очерченные ценностями и нормами, а также взаимодействиями многосвязанных групп, заключающих в себе социальные, культурные, личностные аспекты взаимодействующих участников [9, с.161].

Античность является одной из первых примеров аристократической культуры в мире. Уже в противопоставлении себя миру “варваров”, она претендует на особое социокультурное пространство. Но важнее то, что это противопоставление базировалось на ином типе господства, нежели в восточных деспотиях – это “главенство, основанное не на доминировании и подчинении, а на авторитете и первенстве” [3, с.8]. Влияние Греции и Рима на культуру Европы и России трудно переоценить. Кроме того, сами термины “героизм”, “культура”, “аристократия” имеют античное происхождение и

их примеры являют собой классические модели культуры и социологии.

Проблема героизма в аристократических культурах представлена рядом крупных исследователей. Философское осмысление героизма выделено главным образом у Г.Гегеля, Ф.Ницше, которые связывали понятия “героизм” и “господин”. С точки зрения социологии сходными проблемами занимается элитология, представленная в трудах В.Парето, В.Зомбарта, П.А. Сорокина и др. Культурологическим аспектом героизма аристократии занимались М.Оссовская, А.Ф. Лосев, Ю.М.Лотман [7], П.С. Гуревич [2], П.А. Сапронов [10] и др. Историческая работа по античной культуре проделана такими учеными как Т.Моммзен, П.Гиро [1], Г.Ферреро, С.Л. Утченко [12], Н.Н. Трухина, Д.Каган [14] и др.

При всей широте исследований по указанной проблематике пространственное положение аристократической культуры по отношению к ряду других культур выявлено недостаточно четко. Отсюда *цель* настоящей статьи можно сформулировать как определение социокультурного пространства аристократической культуры в ее сущностном героическом аспекте на примере античной культуры.

Чтобы прояснить, что мы подразумеваем под культурой вообще, обратимся к идее Ю.М. Лотмана, который в ряде исследований определил культуру как *текст*. “Культура есть устройство, вырабатывающее информацию. Подобно тому как биосфера с помощью солнечной энергии перерабатывает неживое в живое (Вернадский), культура, опираясь на ресурсы окружающего мира, превращает не-информацию в информацию” [7,с.9]. Из этого следует, что культура постоянно усложняет свою внутреннюю структуру, к ней можно отнести слова Гераклита “Психее присущ самовозрастающий логос”. Далее автор подмечает противоречие между потребностью в открытой системе для “самовозрастания логоса” и принципиальной замкнутостью культурного пространства [7,с.9–10]. Отсюда строится оппозиция культуры и ее неисчерпаемого резерва, являющейся одновременно враждебным ей внекультурным пространством, которое так же можно назвать хаосом, “иным миром”, миром варваров или природой. Поэтому по отношению к аристократической культуре так же будет существовать “внекультурное пространство”, даже внутри одной этнической группы или нации.

Определив исходное пространственное положение аристократической культуры мы сталкиваемся с вопросом о правомерности расширения понятия “аристократическая культура” относительно евнекультурного пространства. Для этого потребовалось бы обобщить разные локальные культуры и выделить в них общие черты. Эта работа была уже проделана рядом исследователей. Но одно дело определить понятие и совсем другое – выявить возможность или невозможность общей “живой” культуры между разными группами, которые на определенном этапе могли быть враждебными.

Во-первых, рассмотрим возможности аристократической культуры внутри общества. Будучи замкнутым сообществом аристократия имеет свой центр – более знатные роды, периферию – менее знатные роды, и внекультурное пространство – демос, плебс, смерды и т.д.

Так же может существовать и граница культуры, когда некий объект принадлежит одновременно и к культуре, и к другому миру. В общекультурном смысле это могут быть колдуны – посредники между миром живых и мертвых, кузнецы, мельники и т.д. В аристократической культуре это могут быть выслужившиеся до офицерского чина солдаты, политики, ученые, имеющие изначально низкое происхождение.

Центр аристократической культуры их, как правило, не приемлет, называя “высочками” или *homonovus*, однако с периферией отношения могут быть ближе. Кроме того могут быть случаи, когда в дискурс попадают выдающиеся люди, которые объективно принадлежат к элите, в силу своих высоких моральных или интеллектуальных достоинств. Они достигают значительных результатов в общественной деятельности, одновременно являя собой аристократический *тип*, не будучи аристократом.

Так в древней Элладе сын каменотеса Сократ становится учителем аристократии и его лучшие ученики Платон и Ксенофонт – это представители царских кровей. В Риме во II в. до н.э. всадник Марк Порций Катон (которого называли *homonovus*) всю жизнь проводил кампанию в защиту “нравов предков” – древнего кодекса поведения патрициев, в то время как некоторые знатные фамилии уже ему не соответствовали [4,с.17]. Век спустя еще один *homonovus* – Цицерон вводит в свою риторику новое понятие “оптимат”, терминологическое употребление которого целиком укладывается в понятие *ἄριστοι*, и это для него означает – лучшие, избранные “аристократы духа” [12,с.629]. Такое усложнение внутренней структуры позволяет качественно расширить пространство аристократической культуры, что в результате сказывается на ее достижениях.

Далее необходимо рассмотреть, как взаимодействуют различные аристократические культуры в синхронно-диахронном развитии, и выяснить возможность их диалога. Как уже было показано, чужая культура представляется миром “хаоса”, однако с усложнением внутренней структуры, пространство “порядка” может расширяться.

Для аристократии важнейшим показателем своего превосходства будет реализация героического потенциала, что лучше всего демонстрируется в моменте поединка. Этот процесс характеризуется некоторыми особенностями. Если противник будет заведомо слаб, то победа над ним будет восприниматься не как героическая, а как карательная. Так, например, Красс, разбивший восстание Спартака, наводившее ужас на Рим, фактически вел полноценную войну. После этого он претендовал на триумф, но поскольку, по мнению сената, сражался с “недостойным” противником, т.е. с рабами, он получил менее почетный “малый триумф”, или “овацию”, хотя формально имел право на “большой” [8,с.679]. До конца жизни Красс чувствовал свою ущербность, так как хотел быть героем как Помпей, а был вместо этого “всего лишь” богатым римлянином. Поэтому он предпринял вторую попытку – грандиозный поход на Парфию, снаряженный за собственный счет. Но и там потерпел неудачу – войско его было разбито, а сам он погиб.

Другим полюсом типа противника может быть его заведомое превосходство. Здесь показательный пример

– Геракл. Его противники не люди, а скорей хтонические чудовища, а его подвиги настолько недостижимы для простых смертных, что он предстает скорей божеством, доустроителем космоса. По внутренней форме подвиги Геракла – это идеальная экспансия культуры во внекультурное пространство. Другие похожие примеры – это путешествия героев русских сказок в “тридевятое царство”, сказочные странствия рыцарей или поход греческих героев в царство Аида.

В случае, когда имеет место экспансия хаоса в мир культуры, описания поединков приобретают мрачный, торжественный и даже священный характер. Правда “хтоническим чудовищем” становится не противник–индивид, а противник–общество. В качестве примера можно привести войны во время великих переселений народов. В этом случае надвигающееся племя противника воспринимается как стихийное бедствие, типа лавины или цунами, от которого нет спасения. Противник “демонизируется”, а война с ним приобретает статус “священной”.

Нашествия на Рим галлов в IV веке до н.э. или кимвров и тевтонов во II веке до н.э. воспринимались именно так. Описанные Титом Ливием поединки с галлами по характеру похожи на поединок Давида и Голиафа – перед римлянами не человек, а огромное отвратительное чудовище [6, с.404–405]. Осознавая беспрецедентность войны с галлами, римляне назначали диктаторов, которые имели чрезвычайные полномочия, не только военно–политические, но и сакральные. Любопытно, что позже, когда брожение галльских племен сошло на нет, а Рим, наоборот стал сильнейшей державой в ойкумене, борьба с галлами приобретает героические черты. У героя–Цезаря появляется равный ему герой–противник – Верцингеторикс, а в противостоянии римлян и галлов, Цезарь в “Записках” отмечает мужество своего противника, достойного славы римского оружия [13, с.142].

Подобные черты “священной” борьбы мы встречаем и в противостоянии Рима с гуннами во главе с Атиллой, которого называли не иначе как “бич божий”, или в случае с викингской экспансией в Европу, когда люди надеялись не на мечи, а на божье заступничество: “Храни нас, Господь, от ярости норманнов!”.

Поэтому подлинный героизм возможен только с субстанционально равным противником. Идеальный герой Эллады – Ахиллес – видит в своем главном противнике – Гекторе – равного. Перед поединком с ним, Ахиллес убивает множество других знатных троянцев, но не удовлетворяется этими победами, поскольку Гектор является настоящим героем Трои. Конечно, может показаться, что мотив Ахиллеса – месть за убитого Патрокла, однако изначально Ахиллес в Трои пришел не за этим. Он пришел к своей судьбе, которая давала ему шанс на бессмертие в памяти потомков.

Через героический поединок представители разных культур проникаются уважением друг к другу, создавая связующую нить, которая образует единое аристократическое сообщество. Только герой может признать в другом человеке героя. Подобными мотивами объясняется феномен дуэлей в Европе XVIII–XIX вв., когда дворяне соблюдали тонкие формальности и демонстрировали противнику изысканную учтивость, предполагая такую же вежливость и безупречность в другом человеке.

Еще один способ соприкосновения аристократических культур существует через текст, который может в форме диалога передаваться в другие культуры. Например, Тацит, который написал трактат “О происхождении германцев”, помимо прочего содержит первостепенной важности материал, характеризующий германское героическое начало в его сопряжении и несходстве с римским героизмом. То обстоятельство, что сам Тацит – представитель и выразитель героической в своей основе культуры – делает его чутким к героическому в чужой культуре [10, с.225]. В свою очередь Плутарх – представитель греческого героизма чуток к героизму римскому, хотя, так же как и Тацит, в “Сравнительных жизнеописаниях” показывает и несходство, и противоречивость греческого и римского героизма.

В соответствии со своими “героическими” и индивидуалистическими представлениями, члены элиты, которые выдвинулись индивидуально, склонны видеть сущность культуры в ее высочайших достижениях, в шедеврах. Творения выдающихся гениев, с их точки зрения, определяют ценность культуры в целом. Культура, следовательно, воспринимается не как непрерывный поток коллективных достижений, а как отдельные взлеты творческого гения [2, с.138]. Отсюда мы выделяем первый тип текста, на основе которого осуществляется диалог аристократической культуры это *текст–шедевр*. Он характеризуется высоким требованием к эстетике, индивидуалистической направленностью и, зачастую, верой в “звезду” героя, его удачу, судьбу или фортуна.

Одним из таких тестов–шедевров является гомеровский эпос “Илиада” и “Одиссея”. Оставляя за рамками исследования проблему гомеровского времени, отметим, что текст “Илиады” и описанный там тип поединка говорит о том, что воиной эпохи был снаряжен дорогим вооружением и успех требовал коллективных экономических усилий всей общины и индивидуальной доблести царя этой общины. Поэтому текст Илиады вдвойне завязан на индивидуализме и шедевральности. Гений Гомера как бы соревнуется с воинской виртуозностью (от *virtus* – доблесть) своего героя.

Происходящее в тексте – это череда смертельных поединков, апофеоз состязательности или то, что греки называли “агон”. Ахиллес выходит победителем в первой части гомеровского эпоса за счет своей неудержимости, некоего демонического напора и ярости, а не за счет физической силы (по мнению героев Илиады сильнейшим был все же Аякс).

Все это можно назвать проявлением “арете”, – качества, лежащего в основе героической этики древней Греции. Обычно его переводят как “добродетель” и в этом немалая заслуга христианской трактовки этого слова. По мнению Д.Когана в гомеровском эпосе арете – это особая красота присущая только мужчине, которая выражается в превосходстве любого типа: мужестве, силе, мастерстве, причем последнее может касаться как физического превосходства, так и интеллектуального [14]. Впоследствии это стремление к превосходству в культурной матрице Эллады выразилось и в политике, и в философии, и в таком специфически греческом феномене как Олимпийские игры.

С расцветом полисных отношений, в первую очередь в Афинах, такой тип индивидуализма остался в

культуре, но не на войне. Тогда основой боевых действий была фаланга – мощный строй воинов, которые прикрывают друг друга и не могут действовать индивидуально. И по социальному положению гоплиты не аристократы, а, преимущественно, зажиточные земледельцы или ремесленники, способные за свой счет приобрести дорогое вооружение, состоящее из тяжелых доспехов. Однако в Афинах произошло усвоение массами аристократического идеала, через приобщение к театру. Этот феномен возник незадолго после реформ Солона, при тирании Писистрата, который приглашал в город известных поэтов для адаптации “Илиады” к современному “демократическому” языку. Гоплит-земледелец не был Ахиллесом, но очень хотел быть на него похожим. Поэтому героизм гражданина в эпоху греко-персидских войн был героизмом “Ахиллеса в себе”.

В эпоху разложения полиса граждане вырождаются в наемников или в профессиональных солдат, которые уже связаны не с полисом, а с полководцем. Профессионал умеет воевать, но героизм это не только ремесло воина – это осуществление выбора, того выбора, которых делал Ахиллес, когда мог идти в Троию, чтобы погибнуть героем или не идти, чтобы жить в бесславии. Однако героем может быть полководец, который ведет этих солдат за собой, кем и был Александр Македонский. Он персонифицирует в себе Ахиллеса, и никому из его воинов не позволено состязаться за этот образ (ср. случаи с убийством Клита); если раньше солдаты имели “Ахиллеса в себе”, то сейчас – “Ахиллес со мной”. Типичные черты ментальности этого типа – вера полководца в свою “звезду”, “фортуна”, “миссию” и следование за ним солдат, желающих разделить его судьбу.

По такому же примеру можно исследовать другие типы индивидуалистических полководцев: Алкивиад, Лисандр, Цезарь, Карл XII, Суворов, Наполеон. Так, например, Цезарь в тридцать лет посетил могилу Александра и воскликнул, что тот в его годы уже покорил пол мира, а он, Цезарь, еще ничего не добился. В последние годы в результате политической борьбы Цезарь совершает самое страшное преступление против полиса-Рима – становится диктатором, узурпируя власть и уничтожая республику в угоду своему индивидуалистическому принципу господства.

Если текст-шедевр завязан на индивидуализме, то он ограничивает возможности репрезентации героико-аристократической культуры. На примерераннереспубликанского Рима, основанного на принципе коллективного господства, мы видим, что там нет героического эпоса, подобного гомеровскому. Катон Старший упоминает о наличии древних песен, которыми патриции поминали ушедших героев, но о содержании их ничего не известно. Следовательно, забота об их распространении, фиксации не была принципиально важна для римской аристократической культуры. Общее пренебрежительное отношение ранних римлян к высокому искусству широко известно, так же как их любовь к порядку и вещам практическим.

Психотип римского гражданина эпохи республики, сформулированный еще в конце XIX века П. Гиро, отличался твердостью характера, дисциплинированностью, подчинением “нравам предков” и т.д. [1, с.83]. Многие аспекты публичной и частной жизни требовали

последовательных, настойчивых, строго структурированных действий. Примеров тому достаточно много. Путь к высшей государственной должности лежал через череду всех прочих должностей, которых нельзя было “перескочить” – печально известны некоторые попытки молодых политиков достичь высокого почета иными способами, например через трибунат. Воинское искусство римлян так же требовало большого упорства и настойчивости – лагерь, который ставили римляне в походе, мог строиться каждый день на новом месте. В семейных отношениях бытовало суровое отношение к детям отцов, требующих беспрекословного подчинения. Крайне скромным был быт ранних патрициев, наряду с их известной состоятельностью. Общее поведение аристократа регламентировалось особым требованием к выдержке, которое называлось *dignitas* (достоинство). Все это указывает на то, что жизнь римлян была пронизана многочисленными правилами, особенно важными в аристократической культуре, что породило отличный от греческого типа текста – *текст-кодекс*.

Кодекс требовал от граждан доблести (*virtus*) на благо общины (*civitas*) даже в ущерб личным интересам, что подтверждается текстами поэта Луциллия и оратора Цицерона. Любопытно, что разница между этими текстами более ста лет, а общая идея оставалась неизменной. Поведение легендарных патрициев Цинцината, призванного от сохи к управлению государством; Фабриция, пренебрегшего возможностью отравить Пирра, угрожавшего независимости Рима; Эмилия Павла, отказавшегося покидать обреченное войско при Каннах; посла Регула – пленника Карфагена, отпущенного в Рим, чтобы ходатайствовать перед сенатом о выгодных условиях мира, на деле убеждавший не прекращать войны и, связанный клятвой, вернувшийся назад, чтобы принять мучительную смерть – все это демонстрирует высокоморальные примеры поведения римских аристократов, а их эстетическое описание, напротив, весьма скудно. О тех немногих героях, больше подходящих эпическому жанру, типа Муции Сцеволе или Марке Курции известно немного и лишь гений Тита Ливия, который жил совсем в другую эпоху, оказался способен передать всю красоту подвига римской доблести, в первую очередь героев чтивших кодекс “нравов предков”. Впоследствии художники эпохи Возрождения в римских героических сюжетах использовали в основном фрагменты “Римской истории”, поскольку равных источников вдохновения не было ни до, ни после Ливия.

После гибели республики доблесть граждан стала бесполезна, поскольку всю полноту полномочий и ответственности на себя брал принцепс. Своеобразным индикатором угасания гражданственности стало изживание когда-то блестящего ораторского искусства – вести полемику было не с кем. Весь талант и потенциал этой культуры ушел в сухую кодификацию императорских законов, ставшей основой знаменитого римского права. Стало опасным и достойным уважения не только отстаивать свою точку зрения, но и просто выражать молчаливое несогласие с мнением центральной власти.

Это породило такой феномен, как сенаторская оппозиция стоиков, которая стала логическим продолжением республиканской оппозиции, начало которой положил еще Катон Утический. В последней борьбе с Цезарем он совершает самоубийство, чтобы тот не мог радо-

ваться победе над “последним республиканцем”. Уходу Катона из жизни были близки самоубийства двух самых видных убийц Цезаря – Брута и Кассия, а так же некоторых историков, чьи труды были запрещены и уничтожены. Знаменательно, что многие современники и потомки будут видеть в добровольной смерти Катона символ морального сопротивления тирании цезарей.

Стоическая оппозиция, которую представляли в римском сенате Траезя Пет, БарейСаран, ГельвидийП-риски другие, была преимущественно моральной оппозицией. В это время близкий к ним по своим взглядам философ Сенека писал в своем трактате “о спокойствии души”: “Вот что, я полагаю, должна делать добродетель (virtus – прим. И.К.) и тот, кто ей привержен: если фортуна возьмет верх и пресечет возможность действовать... пусть он берет на себя меньше обязанностей и с выбором отыщет нечто такое, чем может быть полезен государству. Нельзя нести военную службу? Пусть добивается общественных должностей. Приходится остаться частным лицом – пусть станет оратором. Принудили к молчанию – пусть безмолвным присутствием помогает гражданам. Опасно даже выйти на форум – пусть по домам, на зрелища, на пирах будет добрым товарищем, верным другом, воздержанным сотрапезником. Лишившись обязанностей гражданина, пусть выполняет обязанности человека!” [11, с.410]. Большинство сенаторов–стоиков и сам Сенека совершили самоубийство по примеру Катона, завершив, таким образом, эволюцию текста–кодекса в Риме, который коротко можно было сформулировать: “умри свободным”.

В дальнейшем диалоге культур аристократическая культура может через рецепции [5, с.24] усваиваться последующими культурами, добавляя чужие тексты к своим и органично их перерабатывая. Так, например, в русской аристократической культуре получили распространение оба вышеупомянутых типа текста. Пушкин “читал охотно” текст–шедевр Аппулея, а текст–кодекс “Цицерона не читал”. Сам Пушкин воспевал индивидуально–ориентированного героя в своих шедеврах и дал мощное эстетическое направление в русской литературе, которая была наследницей аристократической культуры. В свою очередь, Радищев и следующие за ним декабристы “в наследие оставляли слово умирающего Катона”, по его примеру сложив головы за свободу и достоинство человека.

Таким образом, аристократическая культура античности на определенном историческом срезе является замкнутой системой. Подобно тому как культура по отношению к внекультурному пространству оперирует оппозициями как: “космос – хаос”, “цивилизация – варварство”, и т.д., аристократическая культура действует по той же модели создавая такие противоположности как: “господин – раб”, “герой – торговец”, “шедевр – посредственность”, “возвышенное – пошлое” и др. В то же время весь этот “хаос” является ресурсом для увеличения социокультурного пространства аристократической культуры посредством расширения границ, очерченных ценностями и нормами культуры в результате диалога культур сходных по своим императивам. На примере античности границы аристократической культуры расширяются посредством:

– усвоения ценностей аристократии прочими членами общества, образуя понятие “аристократия духа”;

– поединка между субстанционально равными индивидами, которые признают друг друга героями, несмотря на вражду и различие культур;

– распространение текстов аристократической культуры внутри общества или за его пределами путем культурных рецепций.

Список использованных источников

1. Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян / Поль Гиро; [Пер. с франц. Н.И. Лихарева]. – СПб.: Алетейя, 1995. – 598 с. – (Серия Античная библиотека. Исследования).
2. Гуревич П.С. Философия культуры: учебник для вузов / Павел Семенович Гуревич. – М.: Notabene, 2000. – 352 с.
3. Драгунский Д.В., Цымбурский В.Л. Генотип европейской цивилизации // Полис. – 1991. – №1. – С. 6–14.
4. Котенко И.В. Римская доблесть и проблема *homonovus* // XIII всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых “Наука и образование”: материалы конференции в 6 т. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. – Т. 4: История. С.15–19.
5. Котенко И.В. Рецепция римской доблести в русской аристократической культуре // Вестник томского государственного педагогического университета. – 2012. – Вып.6 (121). – С.24–27.
6. Ливий Т. История Рима от основания Города. В 3 т. Т.1. Кн. I–X / Тит Ливий; [Пер. с лат. Смирин В.М., Позднякова Н.А., Гусейнов Г.Ч., Иванов С.А., Казанский Н.Н., Брагинская Н.В.]. – М.: Ладомир, 2005. – 701 с. – (Классическая мысль).
7. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в трех томах / Юрий Михайлович Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. – 472 с.
8. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Плутарх; [Пер. с древнегреческого Дестунис С.Ю.]. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – 1504 с. – (Гиганты мысли).
9. Ремизова М.И. Интерпретация понятия “социокультурное пространство” в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – №10. – Ч.1. – С.158–162.
10. Сапронов П.А. Феномен героизма / Петр Александрович Сапронов. – СПб.: ИЦ “Гуманитарная Академия”, 2005. – 512 с.
11. Сенека. О спокойствии души / Цит. по кн.: Ошеров С.А. Сенека. От Рима к миру // Сенека Люций Анней. Нравственные письма к Луцилию [Пер. с лат. С.А. Ошеров]. – М.: Кемеровское книжное издательство, 1986. – 464 с.
12. Утченко С.Л. Социальное и политическое значение термина “*optimates*” у Цицерона // “Древний мир: сборник статей в честь академика В.В. Струве”. – М., 1962. – С.269.
13. Цезарь Ю. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Гай Юлий Цезарь; [Пер. с лат. Покровский М.М.]. – М.: Ладомир, 2007. – 750 с. – (Классическая мысль).
14. Kagan D. Introduction to Ancient Greek History [Электронный ресурс] // URL: <http://oyc.yale.edu/classics/clcv-205> (дата обращения: 01.05.2014).

References

1. Giro P. Chastnaja i obshhestvennaja zhizn' rimljan / Pol' Giro; [Per. s franc. N.I. Lihareva]. – Spb.: Aletejja, 1995. – 598 s. – (Serija Antichnaja biblioteka. Issledovanija).
2. Gurevich P.S. Filosofija kul'tury: uchebnik dlja vuzov / Pavel Semenovich Gurevich. – M.: Nota bene, 2000. – 352 s.
3. Dragunskij D.V., Cymburskij V.L. Genotip evropejskoj civilizacii // Polis. – 1991. – №1. – S.6–14.
4. Kotenko I.V. Rimskaja doblest' i problema homo novus // XIII vsgerossijskaja konferencija studentov, aspirantov i molodyh uchenyh “Nauka i obrazovanie”: materialy konferencii v 6 t. – Tomsk: Izd-vo TGPU, 2009. – T.4: Istorija. – S.15–19.
5. Kotenko I.V. Recepcii rimskoj doblesti v russkoj aristokraticeskij kul'ture // Vestnik tomского gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. – 2012. – Vyp.6. (121). – S.24–27.
6. Livij T. Istorija Rima ot osnovanija Goroda. V 3 t. T.1. Kn. I–X / Tit Livij; [Per. s lat. Smirin V.M., Pozdnjakova N.A., Gusejnov G.Ch., Ivanov S.A., Kazanskij N.N., Braginskaja N.V.]. – M.: Ladomir, 2005. – 701 s. – (Klassičeskaja mysl').
7. Lotman U.M. Izbrannye stat'i: v treh tomah / Jurij Mihajlovich Lotman. – Tallin: Aleksandra, 1992. – T.1. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury. – 472 s.

8. Plutarh. Srvavitel'nye zhizneopisanija / Plutarh; [Per. s drevne-grecheskogo Destunis S.Ju.]. – M.: Eksmo; Spb.: Midgard, 2007. – 1504 s. – (Giganty mysli).

9. Remizova M.I. Interpretacija ponjatija "sociokul'turnoe prostanstvo" v klassicheskoj sociologii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2012. – №10. – Ch.1. – S.158–162.

10. Saprnov P.A. Fenomen geroizma / Petr Aleksandrovich Saprnov. – SPb.: IC "Gumanitarnaja Akademija", 2005. – 512 s.

11. Seneka. O spokojstvii dushi / Cit. po kn.: Oshero S.A. Seneka. Ot Rima k miru // Seneka Ljucij Annej. Nrvstvennye pis'ma k Luciliju [Per. s lat. S.A. Oshero]. – M.: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986. – 464 s.

12. Utchenko S.L. Social'noe i politicheskoe znachenie termina "opimates" u Cicerona // "Drevnij mir: sbornik statej v chest' akademika V.V. Struve". – M., 1962. S.269.

13. Cezar' Ju. Zapiski Julija Cezarja i ego prodolzhatel' o Gall'skoj vojne, o grazhdanskoj vojne, ob Aleksandrijskoj vojne, ob Afrikan'skoj vojne/ Gaj Julij Cezar'; [Per. s lat. Pokrovskij M.M.]. – M.: Ladimir, 2007. – 750 s. – (Klassicheskaja mysl').

14. Kagan D. Introduction to Ancient Greek History [Jelektronnyj resurs] // URL: <http://oyc.yale.edu/classics/clcv-205> (data obrashhenija: 01.05.2014).

Kotenko I.V., candidate of the department of Philosophy and Sociology, South Ukrainian national pedagogical university named after K.D. Ushinsky (Ukraine, Odessa), scipio@lenta.ru

Social-cultural space of antiquity aristocratic culture

This article studies the problem of dialogue between aristocratic cultures in the context of heroic views of the aristocracy. These dialogues are defined as the ability of cultures to expand its social-cultural space and to complicate its own structure. On the basis of comparative historical and semiotic analysis found that aristocratic culture as a closed system has a significant reserve development by other cultures that were previously recognized as "chaotic". Both inside society and in dialogue with other cultures they can unite if they are heroic in fact. Special attention paid to the typology of texts aristocratic culture, which are the basis of dialogue. These are a text-masterpiece that shows the type of individualistic behavior and a text-codex more suitable collectivism.

Keywords: culture, aristocratic culture, social-cultural space, off-cultural space, dialogue between cultures, the aristocracy, the aristocracy of spirit, heroism, cultural text, text-masterpiece, text-codex, reception.

Kotenko I.V., пошукувач кафедри філософії та соціології, Південно-український національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського (Україна, Одеса), scipio@lenta.ru

Соціокультурний простір античної аристократичної культури

Розглядається проблема діалогу всередині античної аристократичної культури в контексті героїчних поглядів аристократії. Діалог культур визначається з точки зору можливостей розширення їх соціокультурного простору та ускладнення його внутрішньої структури. На основі порівняльно-історичного і семіотичного аналізу виявлено, що аристократична культура, будучи замкнутою системою, має значний резерв розвитку за рахунок інших культур, які раніше могли не визнаватися як "впорядковані". Як всередині суспільства, так і в діалозі з іншими культурами можливе злиття культур під егідою аристократизму за умови, що вони будуть героїчними у своїй основі. Особливу увагу автора приділено типології текстів аристократичної культури, які є основою діалогу. Це текст-шедевр, який притаманний індивідуалістичному типу поведінки, і текст-кодекс, який більш відповідний колективізму.

Ключові слова: культура, аристократична культура, соціокультурний простір, позакультурний простір, діалог культур, аристократія, аристократія духу, героїзм, текст культури, текст-шедевр, текст-кодекс, рецепція.

* * *

УДК 37.014

Дзвінчук Д. І.

доктор філософських наук, професор, завідувач кафедри державного управління та місцевого самоврядування, Івано-Франківський національний технічний університет нафти і газу (Україна, Івано-Франківськ), fuid@ua.fm

ГЛОБАЛЬНІ ВИКЛИКИ ТА ОСВІТА: КРИЗА ІДЕНТИФІКАЦІЇ ЧИ РОЗВІЙ ЕТНІЧНОЇ САМОБУТНОСТІ

Розглянуто тенденції глобалізації в освіті та їхні соціальні-цивілізаційні передумови. З'ясовано сутність та особливості віртуалізації освіти в кон-

тексті глобалізації. Показано, що у глобальному світі освіта стає засобом отримання влади й капіталу, інструментом боротьби за ринки, вирішення геополітичних завдань. Обґрунтовано необхідність переходу від адаптаційної до гуманістично-цивілізаційної загальноосвітньої парадигми, що дозволить запобігти нівелюванню національно-культурних цінностей, вітчизняних освітніх традицій та сприятиме духовному відродженню.

Ключові слова: глобальні виклики, віртуалізація освіти, національна ідентичність, криза ідентифікації, етнічна самобутність.

Більшість прогностичних і загальнофілософських праць останнього часу не обходяться без терміну "глобалізація". З початку 90-х років ХХ ст. він набув небувалого поширення. Науковці багатьох країн світу – філософи, економісти, політологи й представники інших наук – в останні десятиліття ХХ століття намагалися дати якомога точніші прогнози щодо того, якою буде подальша траєкторія руху провідних країн у майбутнє, зокрема, яке саме суспільство вони будуватимуть, відштовхуючись від "розвиненого індустріального". Залежно від своїх безпосередніх фахових знань, науковці акцентували якісь окремі аспекти та сектори прогресу і враховували невелику групу провідних чинників, які, як вони стверджували, й визначатимуть подальший розвиток подій не лише у країнах-лідерах, а й у всьому світі.

Наприклад, економісти наголошували на ролі транснаціональних компаній (ТНК) і вважали, що саме їх дії детерминуватимуть розвиток виробництва й торгівлі впродовж усіх перших десятиріч нового століття. Дуже часто економісти підкреслювали, що глобалізація є загалом негативним явищем, що становить велику загрозу для України. Соціологи й гуманітарії зводили більшість сучасних проблем до "конфлікту цивілізацій", хоча нерідко пропонували й ширше бачення (напр. Бауман З, Горбачов М.С., Тураєв В.А., Шкурат І.), а от політики найчастіше зосереджували увагу на різноманітних варіантах конкуренції провідних держав світу за володіння енергетичними джерелами і "стратегічними позиціями" найрізноманітніших видів (Бжезинський Зб., Тіхонравов Ю.Г.).

Процес глобального зближення і взаємодії різних частин цілісного світу, поглиблення взаємопланетарної інтеграції та взаємозалежності, що обумовлений об'єктивними факторами суспільного розвитку, прискорив економічне зростання, відкрив для людства нові небачені можливості для розвитку підприємницької ініціативи та новаторства.

Аналіз останніх досліджень і публікацій, в яких започатковано розв'язання даної проблеми і на які спирається автор. Проблеми освіти, духовного формування людини постають перед суспільством із століття в століття, трансформуються з теорії в теорію, далеко не завжди набуваючи філософського осягнення й вирішення на рівні науково-педагогічного пізнання й педагогічної практики, і, тим паче, – на управлінському рівні.

Про тенденції впливу освіти на різні сторони життя сучасного людства пишуть багато авторів, серед яких: В. Андрущенко, В. Воронкова, К. Корсак, М. Мамардашвілі, М. Михальченко та ін. Про роль освіти як прискорювального чинника розвитку, який кардинально змінює суспільство, стверджує М. Козловець.

Разом з тим, потребують подальших наукових досліджень проблеми поєднання національного і гло-